
Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЭПИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

© А.М. Гутов, 2023

Аннотация. В статье рассматривается характер аккумуляции конкретных событий и реальных личностей в фольклорной традиции, взаимоотношения ранее сформированных повествовательных стереотипов с действительностью. На анализе вариантов одного сказания устанавливается, что во взаимодействии реальности с традиционными стандартами повествования налицо двустороннее влияние. С одной стороны, конкретный факт или реальная личность, оказавшись в орбите историко-героического нарратива, осмысливаются в соответствии со стандартами системы условностей фольклорного жанра. Эта система – результат протяженной во времени эволюции словесного искусства, и имеет собственный ракурс отражения действительности, формирующий как типические сюжеты и сюжетные ходы, так и типических персонажей, соответствующих мировосприятию носителей традиционного словесного искусства. С другой – новые явления действительности нередко требуют расширения ранее принятых форм и методов объективации, и это приводит в устно-поэтический обиход новации. В области сюжетосложения это проявляется в совершенствовании повествовательного искусства и усложнении композиции. Также приводятся в соответствие с действительностью конкретные формы объективации мотивов, которые возникли значительно ранее. Сложнее становится и трактовка центральных персонажей, образы которых могут сохранять отдельные особенности, свойственные героям старшего эпоса и даже сказки, но в целом все же более реалистичны.

Ключевые слова: историко-героический эпос, аккумуляция, сказание, сюжетосложение, мотив, образ.

Для цитирования: Гутов А.М. Об одной особенности образной системы эпического сказания // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 107–113. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

Original article

ABOUT ONE FEATURE OF THE IMAGATIVE SYSTEM OF THE EPIC TALES

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

© А.М. Gutov, 2023

Abstract. The article examines the nature of the accumulation of specific events and real personalities in the folklore tradition, the relationship of previously formed narrative stereotypes with reality. By analyzing the variants of one legend, it is established that there is a two-way influence in the interaction of reality with traditional standards of storytelling. On the one hand, a specific fact or a real person, once in the orbit of a historical-heroic narrative, is interpreted in accordance with the standards of the conventions of the folklore genre. This system is the result of the evolution of verbal art over time, and has its own perspective of reflecting reality, forming both typical plots and plot moves, as well as typical characters that correspond to the worldview of the bearers of traditional verbal art. On the other hand, new phenomena of reality often require the expansion of previously accepted forms and methods of objectification, and this introduces innovations into oral poetic use. In the field of plot composition, this is manifested in the improvement of narrative art and the complication of composition. Also, specific forms of objectification of motives that arose much earlier are brought into line with reality. The interpretation of the central characters also becomes more difficult, the images of which may retain certain features characteristic of the heroes of older epics and even fairy tales, but on the whole they are still more realistic.

Key words: historical-heroic epic, accumulation, legend, plot structure, motive, image

For citation: Gutov A.M. About one feature of the figurative system of the epic legend. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 107–113. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

Считается, что «одноэпизодичность» – это одна из характерных особенностей сказаний адыгского архаического эпоса [Алиева 2019: 129]. Это суждение споров не вызывает, хотя подобный принцип не является единственным в характере функционирования эпических сказаний. Наряду с записями, подтверждающими данное правило, не столь уж редки и тексты с умело построенной многосюжетной структурой (речь не идет о случаях очевидной контаминации явно «механического» характера, когда налицо в одном тексте налицо «нанизывание» сюжетов, но никак не их искусное сочетание). То же самое, даже значительно чаще, отмечается в сказаниях младшего эпоса, и это дало основание Ш.Х. Хуту, одному из наиболее авторитетных исследователей адыгского фольклора, однозначно заявить противоположное мнение: «Характерно, что адыгские историко-героические сказания многоэпизодичны» [Хут 2003: 192]. Разумеется, автор также не берется утверждать, что это единственный принцип построения сюжета, и даже в последующих своих наблюдениях признает, что эпизоды выстраиваются в своего рода ранжир по отношению к центральному [там же: 192–193]. В связи с этим резонно заметить, что во многих случаях сказание как прозаический компонент цикла выполняет функцию развернутого комментария к песенному тексту, и в таком случае центральное событие или же главный герой, т. е. явление, которому посвящена песня, получает доминирующее положение и подчиняет себе все остальное. Тем самым сюжет тяготеет к одноэпизодичности. Наряду с этим примечательно, что структура повествования в сказании младшего эпоса в отдельных случаях может представлять довольно сложную конструкцию. Причины данного явления специально не изучались, и мы можем только высказать в качестве одного из предположений суждение о том, что в младшем эпосе, несмотря на его более строгую привязку к конкретному событию или реальной личности, порою играет важную роль установка нарратива не только на информативность, но также и на занимательность, что благоприятствует усложнению канвы повествования. Иными словами, в данном случае внесакральная, эстетическая функция настолько важна, что она оказывает свое влияние и на форму бытования. Это требует от исполнителя соответствующего уровня мастерства построения сюжета. Примечательно, что историческая действительность, с которой младший эпос имеет прямую связь, предоставляет для этого жизненный материал не менее разнообразный, нежели созданная воображением система мифологических представлений, лежащая в основе большинства сюжетов старшего эпоса.

Материалом для данного небольшого исследования стало сказание цикла, известного как песня и сказание о силаче Созарыхе Куала. В его основе один из таких сложных сюжетов, который характеризуется переплетением сразу нескольких мотивов, причем две сюжетные линии могут претендовать на статус ведущей. Конкретная форма преподнесения мотива может признаваться относительно автономной частью повествования, органично включенной в единое русло, характеризующееся выраженными композиционными частями (экспозиция, завязка, развитие действия и т. д.). Несмотря на это, сложность сюжета очевидна. Событийная основа данного сказания имеет свои достоверные истоки в реальной действительности. Это социально-политическая обстановка в Кабарде XVII в., когда маленькая страна, вернее восточная часть Черкесии, была раздираема не только иноземными нашествиями, но и внутренними раздорами между представителями разных ветвей единой генеалогической линии, идущей от легендарного Инала, родоначальника кабардинских княжеских фамилий. Названный цикл из песни и сказания отразил один из эпизодов периода обострения межфеодалных противоречий. В научной литературе это впервые отражено в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, созданной в первой половине XIX в. (заметим, что она была опубликована почти два десятилетия спустя после смерти ученого, а позднее многократно переиздавалась) [см. Ногмов 2019]. В ней упоминаются с опорой на фольклорные источники, а местами и на некоторые иные свидетельства, главные фигуранты весьма бурных событий, в которых погибали не только отдельные личности, но даже целые княжеские ветви, восходящие к тому же Иналу. Также кабардинский ученый излагает сюжет версии сказания о Созарыхе и даже приводит фрагмент из песни [Там же: 144–148]. Из этого следует, что Ш.Б. Ногмову был известен полный цикл данного произведения, и он первым записал не только сказание, но и песню, причем на кабардино-черкесском языке: текст песни был обнаружен в его рукописях и опубликован профессором Г.Ф. Турчаниновым в 1956 г. [Ногма 1956: 48–49].

Впоследствии в том же столетии варианты сказания, были записаны еще К.М. Атажукиным [ССКГ VI: 70–81], П.И. Тамбиевым [СМОМПК XXIX, отд. 4: 35–42], а еще позднее, в первые годы XX в., другими собирателями. Первая публикация полного цикла была осуществлена в 1936 г. в переводе на русский язык [Кабардинский фольклор 1936: 266–272]. Там же дан краткий обзор других опубликованных вариантов, в том числе и литературно обработанных [Там же: 597]. По времени записи к числу более ранних надо отнести также две публикации на адыгейском языке – песня в сборнике «Адыгские старинные песни» и сказание в другой книге, «Адыгские предания и сказки». Оба издания вышли в свет в 1946 г. под редакцией Т.М. Керашева, но сами записи были произведены не позднее, чем в 30-е годы XX в. Ссылки на них даются нами по перепечатке в сборнике «МыкIосэрэ жьуагьохэр» («Немеркнувшие звезды») под редакцией проф. А.А. Схалыхо [МыкIосэрэ... 1994: 67–73]. Судя по комментариям, трудно определить, представляют ли они собой единый цикл, разделенный по формальным жанровым признакам, (не исключено, что текст песни вошел в поэтический сборник, а текст сказания – в сборник прозаических жанров) или нет. В любом случае примечательно, что и сказание, и песня были зафиксированы в пределах Западной Черкесии, в то время как события и личности, ставшие фактической основой для возникновения эпического цикла, имеют однозначную привязку к Кабарде, восточной окраине исторической Черкесии. Между тем в XX в., судя по всему, интерес к данному циклу стал затухать, а к середине XX в. по какой-то причине он уже не попадает в поле наибольшего внимания исполнителей и собирателей. Это подтверждается тем, что ни полный цикл, ни его компоненты не были отмечены в репертуаре признанных носителей народной устно-поэтической традиции в Кабарде, в их числе в перечне песен и сказаний, исполняемых

Амирханом Хавпачевым и участниками его ансамбля, репертуар которого исчисляется более, чем двумя сотнями народных сказаний и песен разных жанров – от языческих гимнов и мифологических сказаний до любовной лирики и мемуаров. Не представлен данный цикл также в весьма обширном перечне произведений в исполнении З.П. Кардангушева, который еще с детства унаследовал традиции древних джегуако и в течение всей своей долгой жизни сочетал собственное творчество с активным собиранием и публикациями фольклора.

Две последние звукозаписи цикла о Созарыхе были произведены в 1972 и 1973 гг. в селении Аушигер. Первую из них произвели мы, это полный цикл в исполнении Барасби Гутова [Фоновидеотека: Гутов]; этот материал до настоящего времени не публиковался. Год спустя, в том же селении песня из данного цикла была записана музыкантом Ю.М. Бицуевым в исполнении Кины Чеченова [Фоновидеотека: Чеченов]; текст его записи вместе с нотной транскрипцией опубликован в 1990 г. [Народные песни... 1990: 152–159]. Уместно будет заметить, что Б. Гутов перед исполнением песни заявлял, что всю песню знает только Кина Чеченов. Весь цикл, а особенно сказание из данного цикла, представляет немалый интерес с точки зрения характера взаимодействия фольклорной традиции с подлинными фактическими событиями.

Фабула повествования во всех известных вариантах совпадает в основных позициях и сводится к следующему. Герой, Созарыха сын Куала, чьим именем обычно называется все произведение, обладает редкостной физической силой, но вынужден скрывать это. Дело в том, что в составе княжеской челяди было обязательным присутствие силачей-борцов. Однако такая служба была чревата тем, что борец будет вынужден время от времени выходить на ристалище, которое традиционно заканчивается тяжкими увечьями, а то и гибелью одного из поединщиков. Чтобы быть подобного рода «гладиатором», требовались не только сила и мужество, но и доля жестокости, проявлять которую оказывалось необходимым. Случай вынуждает героя проявить свою силу, и, несмотря на все старания, тайна его богатырства становится явью, ему приходится поступить на службу к князю Хатокшуко. Он поселяется при дворе своего господина, но не просто как борец, а на правах побратима. Другой князь, Шужей, соперник и близкий родственник князя Хатокшоко, коварно губит Созарыху, Хатокшоко же мстит за кровь своего борца-побратима, после чего становится единовластным правителем в крае.

В едином повествовании четко выделяются две взаимосвязанные, но все же автономные темы: судьба силача Созарыхи и история князя Хатокшуко, который убивает князя Шужея, якобы выполняя долг кровной мести. Линия Созарыхи прорисована от начала повествования и обнаружения его физической силы до эпизода его героя, она исчерпывается сложением песни как ее логическим завершением. Но, против ожидания, на этом все повествование не заканчивается, более того, смерть Созарыхи, который был изначально центральным персонажем повествования, оказывается всего лишь завязкой действий, которые происходят далее. Продолжение же раскрывается новой линией – князя Хатокшоко, который во исполнение долга кровной мести убивает Шужея, человека, равного себе по статусу. По насыщенности событиями эта вторая часть даже содержательнее первой, а в конце всего повествования личность Созарыхи или совсем выпадает, или же всего лишь упоминается, как имя эпизодического персонажа.

С точки зрения обычного права здесь налицо острая коллизия: князь убивает князя, тем более – близкого родственника, что в эпоху раннефеодальных отношений нонсенсом не является. Однако странно, что Хатокшуко совершает это только за то, что другой князь погубил его подданного. В сказании это преподносится как санкционированный обычным правом акт возмездия во исполнение долга кровной мести. Как свидетельствует Ш.Б. Ногмов, а следом и другие авторы, действительно в XVII столетии в Кабарде имел место случай суровой расправы исторического

Хатокшуко и его сторонников над целым некогда мощным кланом, к которому принадлежал Шужей, а вместе с ним и другой князь, Алегую Шогенуко. Но причиной этого события в реальности был не частный случай наподобие убийства одним владельцем человека из числа подданных другого, очевиден более глубокий фактор – борьба за лидерство и за власть в Кабарде. Согласно установлениям обычного права, в соответствии с которым решались фактически все конфликты, жизнь князя и жизнь простолюдина, каковым был борец при княжеском дворе, никак не могли быть положены на одни весы, чтобы применим стал принцип «жизнь за жизнь», поскольку на иерархической лестнице их разделяла большая социальная дистанция. В соответствии с тем же обычным правом два князя могли смертельно враждовать, но по многим иным поводам, когда дело касалось личного достоинства или кровных интересов. За жизнь подданного другого господина князь мог только откупиться виной, но потерпевший никак не должен был решиться на его убийство. В то же время история средневековых обществ полна примерами того, как не бытовые, а политические причины приводили к жестоким братоубийствам – в тех случаях, когда близкий по крови человек активно оспаривал или хотя бы имел возможность оспаривать право на власть.

Однако художественная система фольклора преломляет реальное событие таким образом, чтобы оно непременно укладывалось в стандарты идеальных представлений о борьбе добра со злом. Поэтому, попав в обиход изустной передачи сведений о реальных явлениях жизни, события и личности со временем утрачивают многосложное переплетение конкретных фактов и постепенно подчиняются канонам, в которых доминирует черно-белая палитра оценок и трактовок.

Это отражается в разных произведениях иногда настолько по-разному, что будь то и другое в единой идеологической обояме, непременно одно вытеснило бы из сознания другое, как это характерно для всех авторитарных режимов. Уместно будет в связи с этим заметить, что не менее, а даже более популярным в фольклорном обиходе адыгов является сюжет о гибели княжеского клана Жансох-Шогенуко; а именно к нему принадлежал исторический Шужей. Ученые, от Ш.Б. Ногмова до современных исследователей, связывают в единый узел и повествование о силаче Созарыхе, и учиненную историческим Хатокшуко Казиевичем со средневековой жестокостью расправу над своими реальными соперниками [Ногмов 2019: 144–148]. Если судить по дошедшим до нас достоверным сведениям, можно с уверенностью признать, что действительность часто предоставляет наибольшее разнообразие событий, мотивировок и путей разрешения конфликтов, нежели воображение носителей фольклорного сознания. Несмотря на то, что младший эпос, как известно, черпает тематику и сюжеты непосредственно из реальной действительности, художественная система данного жанра аккумулирует конкретные явления и подчиняет их своей стереотипной системе. Однако полифонизм фольклорного сознания все же проявляется в том, что в мозаике устного обихода спокойно находят себе место и симпатии к князю Хатокшуко, который осуществляет над жестоким князем Шужеем справедливый акт возмездия, и – в другом цикле – недвусмысленное осуждение жестокости того же самого Хатокшуко по отношению к ветви князей из рода Шужей и Жансоха, которые были истреблены до последнего младенца [Ногмов 2019: 147–148; Народные песни... 1990: 391–395].

В противоречивости композиции рассматриваемого сказания, где две фактически разные сюжетные линии – судьба силача Созарыхи и борьба за власть между двумя представителями высшей аристократии переплетаются, образуя единое повествование, отражена не только мозаичность фольклорного мышления, но также и сложность той действительности, которая породила циклы подобного рода. Попадая в систему миропонимания народного эпоса, реальные факты непременно подвергаются своего рода нивелировке в соответствии с номенклатурой мотивов

и образов, которые смогли стать определенными стандартами отражения реальных фактов и лиц. В тех случаях, когда явление без труда укладывается в прокрустово ложе фольклорных стереотипов, новое произведение, в данном случае цикл из песни и сказания, способно лишь пополнить репертуар новыми именами и упоминанием новых конкретных событий. Однако когда явление, которое входит в устно-поэтический обиход, не укладывается в традиционные стандарты, фольклор не просто пополняется именами и конкретными фактами, а рождает новые типы образов, новые сюжеты и новые принципы эстетической организации текста. Это мы и видим в рассматриваемом цикле, где песня во всем сохраняет верность традиционной форме исполнения, но тут же событийная основа сказания не умещается в утвердившиеся стандарты, она взламывает прежние каноны и, пусть еще робко, но выразительно тяготеет к полифонии.

Устная повествовательная культура не в состоянии разбираться и преподносить слушателям все перипетии борьбы представителей высшей аристократии за лидерство, за власть над всем обществом. Поэтому она еще облачает реальность в традиционные одежды. Но в изменившихся, новых формационных обстоятельствах прежние стереотипы тесны, чтобы уместить в себе многообразие действительности. Стандарты повествовательного фольклорного жанра не способны прикрыть тот факт, что эпический персонаж князь Хатокшуко, убивая по одним вариантам родного брата, по другим – брата двоюродного или же дядю, мстит не за своего слугу, а борется за свое самоутверждение, как это было в действительности. Иными словами, описывая противостояние двух исторических личностей, фольклорные клише не в состоянии отражать всю сложность явлений политического плана. Это проникает в эпическую поэтику робко, второй сюжетной линией, когда в сказании отрывочными фразами пробивается подоплека конфликта – неясное, но жестокое соперничество двух претендентов на одно место. С завершением той части, которая построена на истории Созарыхи, эта линия становится фактически доминантной, но она по-прежнему прикрывается благородной идеей мести за «человека из народа», безвинно погубленного и вызывающего только симпатии. Однако даже в фольклорной интерпретации исторической личности не скрывается, что сам силач Созарыха и его гибель – это только катализатор более глубоких противоречий, поскольку подлинной причиной конфликта является стремление к власти. Типологически это сродни поступку царя Лаия из древнегреческой мифологии: он, как гласит предание, приказывает умертвить собственного новорожденного сына, поскольку ему предсказано, что не кто иной, как сын, лишит его жизни и, что не менее важно, – власти. Последующая история многих народов и государств полна свидетельствами, того, как во имя удержания или обретения власти совершались и братоубийства, и сыноубийства и отцеубийства. Для нас важно, что древний мотив в своей локальной интерпретации стал одним из факторов, которые впоследствии привели к новациям как в поэтике фольклора, так и в сюжетике.

Список источников

Алиева 2019 – Алиева А.И. Адыгский героический эпос. Сказка. Текстология. Типология. Поэтика. М.ИМЛИ РАН, 2019. 736 с.

Народные песни... 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

Ногмов 2019 – Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды. Т. I. Нальчик: КБИГИ, 2019. 316 с.

СМОМПК 1902 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, выпуск XXIX. Тифлис: 1902. Отд. 4. С. 35–42.

ССКГ 1872 – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: 1872. Отд. 2. С. 70–81.

Фоновидеотека Гутов – Фоновидеотека КБИГИ, магн. касс. № 501-ф/1, 2. Исп. Барасби Гутов, голосовое сопровождение песни Мухамед и Хаджи-Мухамет Гутовы. Зап. 22.10.1972 г. А.М. Гутов.

Фоновидеотека Чеченов – Фоновидеотека КБИГИ, магн. касс. № 74-а/7. – Звукозапись Ю.М. Бицуева с голоса Кины Чеченова, партия голосового сопровождения – Мурид Чеченов и Мурат Бицуев. Оpubл.: Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с. С. 352–360.

Хут 2003 – *Хум III.X*. Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. 2003. 536 с.

References

ALIEVA A.I. *Adygskij geroicheskiy epos. Skazka. Tekstologiya. Tipologiya. Poetika*. [Adyghe heroic epic. Fairy tale. Textology. Typology. Poetics]. М.:IMLI RAN, 2019.736 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumentalnye naigryshi adygov. Т. III. Ч. 2. [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Т. III. Part 2]. М.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy. T. I*. [Historical and philological works. B. I.]. Nalchik: KBIGI, 2019, 316 p. (In Russian)

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza, vypusk XXIX. [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus, issue XXIX]. Tiflis: 1902. Otd. 4. P. 35–42. (In Russian)

Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. VI. [Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. VI.]. Tiflis: 1872. Otd. 2. P. 70–81. (In Russian)

Fonovideoteka KBIGI, магн. касс. № 501-ф/1, 2. Исп. Барасби Гутов, голосовое сопровождение песни Мухамед и Хаджи-Мухамет Гутовы. Зап. 22.10.1972 г. А.М. Гутов. Phonovideo library KBIGI, mag. cash register No. 501-f/1, 2. Use. Barasbi Gutov, voice accompaniment of the song Mukhamed and Hadji-Mukhamet Gutov. Zap. 22.10.1972 A.M. Gutov.

Fonovideoteka KBIGI, магн. касс. № 74-а/7. – Звукозапись Ю.М. Бицуева с голоса Кины Чеченова, партия голосового сопровождения – Мурид Чеченов и Мурат Бицуев. Оpubл.: Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. (Phonovideo Library, mag. cash register No. 74-а/7. – Sound recording by Yu.M. Bitsueva with the voice of Kina Chechenov, voice accompaniment by Murid Chechenov and Murat Bitsuev. Published: Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Т. III. Part 2. Pp. 352–360). М.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. P. 352-360.

HUT Sh.H. *Adygskoe narodnoe iskusstvo slova*. [Adyghe folk art of words.]. Майкоп: Адыгское республиканское книжное издательство. 2003. 536 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.